Ирина В. Дуденкова
РАНХиГС, Москва, Россия

Что значит быть несовершеннолетним?

doi: 10.22394/2074-0492-2019-1-30-50

Резюме:
Правовая и социальная проблема определения совершеннолетия имеет серьезные теоретические предпосылки. В статье раскрываются причины и значение противоречия, которое заложено в современных практиках родительства и правовых практиках защиты детей. С одной стороны, ребенок мыслится как объект защиты и покровительства, с другой — наблюдается тенденция к расширению круга прав детей. Анализ категории дееспособности, на основании которой проводится различие между ребенком и взрослым, показывает, что ее можно свести к двум историческим трактовкам способности как возможности действовать: возможность действительности, предложенную Аристотелем или действительность возможности, способность быть субъектом самоопределения, изобретенную Кантом. Правовой порядок признания несовершеннолетним игнорирует указанные аспекты возможности, поэтому правовой статус ребенка становится проблематичным. Категория «порядок признания» позволяет выделить важное измерение связи взрослых и детей, которое «невидимо» для права: дети социально институциализированы не только как юные (puer), но и как дочери и сыновья (filius). Анализ родительства в качестве социального порядка признания не дает возможности однозначно решить проблему совершеннолетия; выросшие дети никогда не перестают быть детьми для своих родителей. Однако разграничение порядков признания необходимо для того, чтобы, во-первых, уклониться от необходимости решать намеченное противоречие между двумя трактовками возможности действовать для ребенка. Во-вторых, из-за смешения порядков признания возникает возможность мыслить ребенка как радикального агента, фактически суверена, поскольку его автономия может быть обусловлена сугубо биологическим фактом рожденности. Это порождает проблему регуляции не правовых отношений взрослых и детей, а именно правового разграничения порядков признания.

Ключевые слова: совершеннолетие, дееспособность, возможность, субъект, порядок признания, натальность

Дуденкова Ирина Васильевна — кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической социологии и эпистемологии факультета Liberal arts Института общественных наук РАНХиГС. Научные интересы: философская антропология, субъект, агентность, детство. E-mail: irinafild@gmail.com

Irina V. Dudenkova
RANEPA, Moscow, Russia

What Does it Mean to Be a Minor?

Abstract:
The legal and social problem of determining the age of majority has serious theoretical roots. The article reveals the causes and significance of the controversy surrounding modern parenting practices and the legal practices of child protection: on the one hand, the child is thought of as an object of protection and patronage; on the other, there is a trend towards the expansion of children's rights. An analysis of the category of legal competence—on the basis of which the distinction between child and adult is made—shows that it can be boiled down to two historical interpretations of competence as the ability to act: the potentiality of actuality, proposed by Aristotle, or the actuality of potentiality, the ability to be a subject of self-determination, proposed by Kant. The legal procedure for the recognition of minors ignores these aspects, rendering the legal status of the child problematic. The category of the "order of recognition" makes it possible to single out an important but opaque category for the law: the connection between adults and children. Children are socially institutionalized not only as the young (puer), but also as daughters and sons (filius). The analysis of parenthood as a social order of recognition does not make it possible to unambiguously solve the problem of adulthood; grown-up children never cease to be children for their parents. However, a distinction between the orders of recognition is necessary for two reasons. Firstly, to avoid the need to solve the intended contradiction between the two interpretations of the possibility of acting for the child. Secondly, because of the commixture of the orders of recognition, it is possible to think of a child as a radical agent—in fact, a sovereign—since their autonomy may be due to a purely biological fact of birth. This raises the problem of regulating not the legal relations between adults and children, but the legal distinction between the orders of recognition.

Keywords: age of majority, legal competence, possibility, sujet, order of recognition, natality

Chercher l'enfant

В этом тексте речь пойдет о том, как устанавливается граница между детством и зрелостью с правовой точки зрения, и с какими теоретическими трудностями сопряжено установление такой

Irina V. Dudenkova — Associate Professor (Docent), Faculty of Liberal Arts, Institute of Social Sciences of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow. Research interests: philosophical anthropology, subject, agency, childhood. E-mail: irinafild@gmail.com

границы[1]. Ориентиром для меня станет понятие совершеннолетия, возраста зрелости, содержание которого продолжает подвергаться постоянному пересмотру не только в праве, но в психологии, педагогики и социальных науках.

Подоплекой моих размышлений служит в том числе и трудный личный материнский опыт разграничения ответственности со своими взрослеющими детьми за их жизнь и переживание собственной беспомощности, вызванной неопределенностью оценок и критериев зрелости, которую не способна прояснить ни психология и педагогика, ни социальная теория. Интонация беспомощности в целом характерна для материнских дискуссий в социальных сетях и родительских чатах, где также регулярно поднимается тема возрастной отметки, после которой можно считать своих взрослеющих детей совершеннолетними.

Ситуация усугубляется распространением «интенсивного родительства», идеологии воспитания, в которой предполагается, что родители должны постоянно и неукоснительно руководствоваться экспертным знанием о детском развитии и практиковать постоянную вовлеченность в процесс взросления: организовывать игровое время и пространство, проводить много времени вместе и т. д.

В интенсивном родительстве в качестве предпочтительных методов воспитания рассматриваются «[методы] детоцентричные, диктуемые экспертами, эмоционально поглощающие, трудоемкие и финансово затратные» [Hays 1998]. «Согласно модели интенсивного родительства, родители ответственны за все, что произойдет с ребенком, в рамках этой идеологии предполагается, что их действия оказывают решающее влияние на развитие ребенка (parental determinism), а неправильное воспитание порождает множество социальных проблем» [Михайлова, Сивак 2018: 53]. Социологи Шарон Хайс и Аннет Ларо отнесли интенсивное родительство к практикам воспитания среднего класса. Ларо определила этот подход как «направленное воспитание» (concerted cultivation) и противопоставила его «достижению естественного роста» (accomplishment of natural growth). Второй подход предполагает меньшую вовлеченность родителей в жизнь детей и распространен среди менее состоятельных семей [Lareau 2011]. Остается дискуссионным вопрос, вынуждены ли

1 Выражаю благодарность участникам семинара «Глазами ребенка: субъективность ребенка в социальных исследованиях», который состоялся 22-23 декабря 2018 года в Европейском университете (Санкт-Петербург) за важные вопросы к моему докладу, где были сформулированы основные тезисы этого текста. Также благодарю коллег Дмитрия Кралечкина, Константина Гаазе, Петра Сафронова, Вячеслава Данилова за важные комментарии и предложения к черновому варианту статьи.

бедные семьи придерживаться иных подходов к воспитанию в силу нехватки ресурсов, или же у них есть свои представления о том, что способствует лучшему воспитанию детей.

Экспансия воспитательной парадигмы интенсивного родительства позволяет объяснить растерянность родителей по поводу достижения детьми совершеннолетия. Важные прежде маркеры зрелости, транслируемые через родственные связи, — например, завершение обучения в школе, начало трудовой деятельности — утратили авторитет. Родители заряжаются скепсисом психологов, нейрофизиологов и других специалистов, оспаривающих границы детства. При этом родители оказываются под давлением противоречащих друг другу требований, вписанных в модель интенсивного родительства: принять всю полноту ответственности за будущее ребенка и отнестись к нему как к равному, самостоятельной личности с уникальным опытом.

Исследовательский фокус в этой статье смещен в область права, где возникает необходимость дать определенный и обоснованный ответ о границе совершеннолетия. Известно, что в разных странах и разных юрисдикциях возраст совершеннолетия колеблется от 16 лет (во Вьетнаме, Кубе, Пакистане, Камбодже) до 21 года (в Монако, Египте, Камеруне, Сингапуре и других странах). В Саудовской Аравии, Иране и Йемене совершеннолетие наступает раньше 16 лет, при этом определены правовые ситуации наступления совершеннолетия раньше установленного законом возраста.

В России по крайней мере за прошлый год было два всплеска общественных дискуссий по поводу совершеннолетия: в конце мая 2018 года в кулуарах Петербургского экономического форума заместитель министра здравоохранения Татьяна Яковлева заявила, что возраст совершеннолетия в России следует поднять до 21 года. «Нам, конечно, период совершеннолетия не нужно отодвигать до 30 лет, но нам хотя бы 21 год в России сделать, как, например, в США и в Европе», — цитирует РИА «Новости» Яковлеву. По ее словам, есть большая разница, когда людям продают алкоголь и табак — с 21 года или с 18 лет. Несмотря на негативную реакцию в социальных сетях и медиа в середине декабря 2018 года в Госдуму из Минздрава поступил закон о повышении возраста для продажи алкоголя с 21 года.

Ребенок как субъект права

Невозможно отрицать, что ребенок, как и взрослый, является субъектом права. Однако его правовой статус обладает особенностями, которые Дэвид Арчард, один из крупнейших западных специалистов по правам детей, фиксирует в виде силлогизма: «Дети — это молодые люди. Некоторые дети очень молодые люди. Как люди, дети,

очевидно, имеют определенный моральный статус. Есть вещи, которые не следует делать с ними по той простой причине, что они люди. В то же время дети отличаются от взрослых людей, и кажется разумным думать, что есть вещи, которые дети не могут делать. Например, в большинстве юрисдикций детям не разрешается голосовать, вступать в брак, покупать алкоголь, заниматься сексом или заниматься оплачиваемой работой. Также дети не должны участвовать в военных действиях и призываться на военную службу» [Archard 2015: 5].

Иными словами, в случае ребенка мы видим беспрецедентно трудное для права и социальной теории различие, более трудное по сравнению с другими «природными» различиями, которые исследуют гендерные теории и disability studies. С одной стороны, невозможно отрицать «человечность» ребенка, с другой — «бесчеловечно» наделять ребенка правами и вменять ему ответственность взрослого человека. Это парадоксальное обстоятельство делает детство особенно интересным для философского исследования: как сочетание человечности и биологической незрелости может отражаться в правовом статусе ребенка?[1] Должны ли у детей быть права? Это такие же права, которыми обладают взрослые, или, может, у них должно быть меньше (больше?) прав по сравнению с взрослыми? Можно ли обеспечить неправовую защиту детей, гарантирующую моральное отношения к ним?

Большинство юрисдикций предоставляют детям законные права. Множество стран мира ратифицировали Конвенцию Организации Объединенных наций о правах ребенка[2], последняя версия которой принята резолюцией 44/25 от 20 ноября 1989 года. Первый же международный правовой акт, в которой были сформулированы принципы, определяющие действия всех, кто отвечает за осуществление всей полноты прав детей, был подписан Генеральной Ассамблеей в 1959 году.

К 20-летию принятия Декларации прав ребенка ООН был провозглашен Год ребенка и выдвинут ряд правовых инициатив, ознаменовавших начало работы над новым текстом конвенции. Эта работа велась 10 лет и завершилась в 1989 году, ровно через 30 лет после принятия Декларации прав ребенка. Конвенция вступила в силу 2 сентября 1990 года после ратификации ее двадцатью государствами. На Венской конференции по правам человека в 1993 году было

1 Приведу здесь лишь некоторые примеры исследований, которые затрагивают онтологические и этические аспекты правового статуса ребенка: [Gheaus, Calder, Wispeleare 2019; Hannan 2018; Eekelaar 1986].

2 Конвенция о правах ребенка (http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml).

принято решение добиться, чтобы к 1995 году Конвенция стала универсальной для всех государств.

По сравнению с предыдущими версиями (1924 и 1959 гг.) она предоставляет детям значительно более широкий спектр прав, в том числе права, которые ранее были зарезервированы за взрослыми, например, право отстаивать свои «наилучшие интересы» во всех действиях (статья 3), право ребенка на самовыражение, «способность формировать свои собственные взгляды, свободно выражать эти взгляды во всех вопросах, касающихся ребенка» (статья 12). Это расширение прав детей по отношению к предыдущим версиям конвенции вызвало жаркую полемику среди юристов и интеллектуалов. В 1-й статье Конвенции Организации Объединенных наций ребенок определяется как любой человек моложе восемнадцати лет, «если в соответствии с законодательством, применимым к ребенку, совершеннолетие не достигается раньше»[1].

С наступлением совершеннолетия ребенок наделяется дееспособностью, способностью своими действиями или бездействиями приобретать свои субъективные юридические права и обязанности, осуществлять и прекращать их. Таким образом, важнейшим различием правового статуса взрослого и ребенка является дееспособность. Прояснение одной из самых трудных для социальных наук и философии категории «действия» осложняется тем, что определение дееспособности как особого правового статуса содержит аспект возможности: субъект права выступает как потенциальный агент и инстанция действия, он может как реализовывать, так и не реализовывать свое право действовать.

К сожалению, мне придется оставить в стороне проблему деликтоспособности — способности нести ответственность за свои действия, анализ этой важной составляющей части правового статуса ребенка утяжелит мое небольшое расследование и сделает его несоразмерным задачам одной академической статьи. Отметим лишь один из самых главных и интересных парадоксов права: ребенок наделяется ответственностью раньше, чем получает право осуществлять некоторые действия. Категория ответственности и ее актуальные смысловые трансформации заслуживают особого внимания, такой текст готовится к печати.

Есть и еще одна важная побочная линия темы «ребенок как субъект права», связанная с определением момента, когда ребенок попадает под действие права, т. е. нижней границы несовершеннолетия, где он опознается правом в качестве существа, достойного защиты.

1 Конвенция о правах ребенка (http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml).

Мы можем себе лишь наметить этот важнейший для политической философии и философии права сюжет определения границы между zoe, голой природной, животной жизнью, и bios, социальной жизнью, защищенной правом, который актуализировали в современной философии Жак Деррида [Derrida 2009; 2012] и Джорджо Агамбен [Агамбен 2011]. Достаточно ли для этого простой рожденности или «натальности» (natality)?

Ханна Арендт вводит это понятие, чтобы описать три типа человеческого опыта, которые обусловливают друг друга: фактическое рождение — вхождение человека в мир, политическое рождение — спонтанность, беспричинность политического действия, а также теоретическое рождение — свойство эмерджентности человеческого мышления. Для Арендт натальность — это не только попытка тематизации антонима к хорошо продуманному и вполне традиционному для философии понятию смертности или конечности; она считает натальность «центральной категорией политического мышления» [Arendt 1958: 9]. Человеческая способность действовать свободно «онтологически укоренена» в «факте натальности». Но в этом философском решении есть нечто озадачивающее. Что может означать эта «онтологическая укорененность», если момент и обстоятельства рождения невозможно выбрать самостоятельно, если в ситуации рождения человек пассивен и заброшен в мир?

Надо сказать, спорное и сильное философское решение Арендт, о котором мне уже доводилось писать [Дуденкова 2015], релевантно для актуальных философских дискуссий о смысле рождения. Так, например, в своем докладе «Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике» Юрген Хабермас вводит различие между выросшим и сделанным именно на основании понятии натальности: «Прежде всего именно с позиции этой “возможности быть самим собой” “чужой план”, вторгающийся вместе с генетической программой в историю нашей жизни, может оказаться фактором, создающим помехи. А для возможности быть самим собой также необходимо, чтобы личность чувствовала себя в своем теле как дома… Телом соединяются смыслы направлений центра и периферии, своего и чужого. Воплощение личности в теле делает возможным не только различие активного и пассивного, действующего и происходящего, делания и нахождения; оно заставляет проводить дифференциацию между действиями, которые мы приписываем самим себе, и действиями, которые мы приписываем другим. Но телесное существование позволяет делать эти различия в перспективах лишь при условии, что личность идентифицирует себя со своим телом.

И поскольку личность способна чувствовать себя единой со своим телом, она должна воспринимать его в своем опыте как нечто

естественно вырастающее — как продолжение органической, саму себя регенерирующей жизни, из лона которой и родилась эта личность. Собственная свобода переживается лишь в связи с чем-то, что по своей природе не может быть подчинено. Невзирая на свою конечность, личность знает себя как начало собственных действий и притязаний, в котором невозможно обмануться. Но должна ли она поэтому сводить происхождение самой себя к не подчиняющемуся никому началу, то есть к началу, которое не предрешает ее свободу лишь в том случае, если — как это имеет место с Богом или природой — оно исключает воздействие со стороны других лиц? Понятийно востребованную роль такого лишенного подчиненности начала выполняет также и естественность рождения. Философия редко тематизировала эту взаимосвязь. К редким исключениям принадлежит Ханна Арендт, которая в рамках своей теории действия вводит понятие "натальности"» [Хабермас 2002: 71].

Новорожденный как кандидат на роль homo sacer, носитель голой жизни, продолжает оставаться сильнейшей философской провокацией и социальной проблемой. Неучтенные дети оказываются фантомной болью и предметом торга медиков, политиков и правозащитников, например, исследователи Global Slavery Index отмечают, что именно дети составляют значительный процент рабов в России и мире, а одно из современных определений рабства — именно отсутствие документов, подтверждающих правовой статус и обеспечивающих правовую защиту[1]. Ребенок не может сам обеспечить себя этими документами, заявить о своем существовании для права, поэтому также оказывается в серой зоне правовой неразличимости.

Таким образом, определение нижней границы несовершеннолетия также представляет серьезную теоретическую проблему, если судить по накалу биоэтических дискуссий, связанных с распространением репродуктивных технологий и философии пост-, транс- и метагуманизма. Однако мы сконцентрируемся именно на верхней границе, по которой определяется взрослость или совершеннолетие[2].

1 https://www.globalslaveryindex.org/2018/data/maps/#prevalence.

2 Я стараюсь систематически различать взрослость и зрелость или акме (ακμή — высшая точка, вершина) — фазу индивидуального развития, характеризующуюся достижением наиболее высоких показателей в деятельности, творчестве. Я надеюсь, что отечественные социологи науки наконец заинтересуются акмеологией, оригинальной отечественной психологической традицией, которая развивается с начала 1990-х годов и уже успела получить паспорт ВАКовской специальности. Зарубежная психологическая наука не знает такой психологической традиции и другой дисциплины, кроме психологии развития.

Дееспособность как *ability* и *possibility*

Нашей целью станет прояснение способности к действию как категории философии и социальной теории. Концепция способности в традиции философии субъекта может включать несколько рубрик: субъект вменения и ответственности, действия и права, субъект рефлексии и самоопределения, автор и источник нарратива о себе, некто, использующий местоимение «я», понимание способности может трактоваться и более скромно, через агентность как источник изменения в мире. Мы сконцентрируемся на трактовках способности, которые через первую традицию восходят к категории автономии, спонтанности самополагания.

Эту важную часть моего небольшого исследования полезно начать с одного из любимых экзегетический упражнений Фуко [2011], экскурса и среза, связанного с философским текстом-фетишем Канта «Ответ на вопрос: Что это такое Просвещение?», и знаменитым фрагментом из него: «Просвещение — это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине — это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! — имей мужество пользоваться собственным умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения» [Кант 1966: 25]. Фуко указывает на два важных аспекта момента Ausgang, выхода, исхода, движения человека (человеческого рода? человеческого индивида?) к совершеннолетию и вопрошает: «Действительно ли речь идет об агенте выхода? Другими словами, речь идет об активном или пассивном процессе? Когда текст говорит о der Ausgang des Menschen, это можно понимать так, что человек волевым усилием вырывается из состояния, в котором он пребывал. Это можно понимать и так, что он захвачен процессом, который им движет и который переводит его из внутреннего во внешнее, из одного состояния в другое» [Фуко 2011: 39].

Другими словам, возможны две оптики, два взгляда на возникновение способности к действию: внутренняя и внешняя. В первом случае способность к действию понимается как антропоморфная ability, привязанная к субъекту как источнику действия. Во втором — как possibility, привязанная к внешнему времени-пространству-среде. Если обобщить теоретические дискуссии вокруг категории ability, которые развернулись в аналитической философии[1]

1 Важнейшие работы последнего времени в этой области: [Stanley 2011; Glick 2012; Nelkin 2011].

и disability studies[1], то они организованы именно вокруг этих интерпретаций способности к действию.

Однако обе перспективы сходятся в концепции порядков признания. В категории признания пересматривается дихотомия активности/пассивности: признание — эпистемологический модус, который предполагает не только активность схватывания и связывания в понятия, но и страдательность принятия и согласия. Но прежде всего категория «порядок признания», которую используют Поль Рикер, Аксель Хоннет, Жан-Люк Ферри и многие другие философы и социальные теоретики, предполагает социальный контекст взаимодействия [Honneth 1995; Fraser, Honneth 2003; Рикер 2010; Boltansky 1990; Ferry 1991]. «Каждый действователь соотносится с другими благодаря посредничеству разнопорядковых социальных систем» [Рикер 2005: 39]. Таким образом наводится мост между индивидуальными формами способностей и социальными формами, пригодными для их осуществления. Из множества концепций признания мы опираемся на теорию Поля Рикера [2010], который произвел своеобразную феноменологию «человека могущего» и соотнес ее с социальными практиками.

Ребенок как недействительный человек

Благодаря работе Филиппа Ариеса *«Ребенок и семейная жизнь при старом порядке»* [1999] сегодня считается общепринятым, что понятие детства исторически и культурно обусловлено. Однако «конструктивистская» философия детства не преуспела. Педагогика, психология и медицина весьма скептически относятся к инициативам радикального разрыва с реалистической оптикой. По сей день доминирующий взгляд на детей соотносится с аристотелевской концепцией детства.

Аристотель считает конечную причину живого организма функцией, которую организм обычно выполняет, достигнув зрелости. Формальная и целевая причина существования любого организма представляет структуру, которую он обычно имеет в зрелости. Согласно этой концепции, человеческое дитя является незрелым образом человека, возможным, но не действительным человеком. Именно это составляет существенное отличие между аристотелизмом и платонизмом, хотя некоторые моменты определения возможного как силы, вместилища, способности претерпевать мы

1 Последние десятилетия сложилась огромная литература в этой междисциплинарной области, например: [Davis 1997; Withers 2012; Barnes, Mercer 2010].

можем обнаружить уже у Платона. Различие возможного и действительного (дюнамиса и энтелехии, потенциального и актуального в латинском переводе) является темой множества текстов, среди которых в первую очередь выделяется 9-я книга «Метафизики» и вся «Физика».

Аристотелевское определение через набор категорий (сущность, качество, количество и т. д.) еще сохраняет некоторую преемственность с платоновской моделью определения как последовательного генеалогического распределения родов и видов, постепенно восходящего ко все более полным и первичным сущностям. Именно различение возможного и действительного позволяет ввести совершенно иную трактовку сущего вообще.

«А так как о сущем говорится, с одной стороны, как о сути вещи, качестве и количестве, с другой — в смысле возможности и действительности, или осуществлении, то исследуем также более подробно различие между возможностью и действительностью...» [Аристотель 1976: 234]. Способности (или возможности) определяются следующим образом: «А все способности, относящиеся к одному и тому же виду, суть некоторые начала и называются способностями по их отношению к одной первой способности, которая есть начало изменения вещи, находящееся в другом или в ней самой, поскольку она другое. А именно: это, во-первых, способность претерпевать как заложенное самой претерпевающей вещи начало испытываемого в ней изменения, вызываемого другим или ею самою, поскольку она другое; это, во-вторых, обладание невосприимчивостью к худшему... далее эти способности означают способности либо вообще делать, либо претерпевать, либо делать и претерпевать надлежащим образом» [Там же: 235].

Стоит заметить, что Аристотель не предлагает некую выработанную концепцию возможного и действительного: анализируя его тексты, можно было бы выделить несколько версий возможности, каждая из которых ведет к утяжелению общего концептуального каркаса его концепции и неразрешимым трудностям. Эти трудности проистекают из примата действительного, который угрожает замкнуть возможное в тавтологическое и рефлексивное определение действительного или переопределяет его в «другое действительное». Можно сказать, что Аристотель производит данное различение именно с целью его уничтожения, поскольку подлинное движение — это осуществленное, остановившееся в своей конечной точке.

Примат действительного над возможным проявляется по-разному. Во-первых, действительность первичнее в плане определения: «способное в первичном плане есть способное потому, что может стать действительным..., а потому познание (того что в действительности) должно предшествовать познанию (того что возможность)»

[Там же: 243]. В некотором смысле возможность, чтобы быть таковой, уже должна всегда перестать быть только возможностью, стать действительностью, вычеркнуть себя, познание не может работать с неосуществимыми или пустыми возможностями (в этом пункте Аристотель весьма близок обычным платоновским положениям о невозможности познавать становящееся, находящееся в движении). Во-вторых, возможность вторична по отношению к действительности даже в плане времени. Конечно, ребенок предшествует взрослому во времени, но «ведь из сущего в возможности возникает сущее в действительности через сущее в действительность, например, человек — из человека, образованный — из образованного, причем всегда есть нечто первое, что приводит в движение, а это движущее уже существует в действительности» [Там же: 245].

Ребенку предшествует взрослый не просто как родитель (для Аристотеля дети всегда происходят от взрослых, а не наоборот), но как учитель и педагог, формирующий пассивную претерпевающую сторону ребенка. В-третьих, действительность первичнее возможного по своей сущности, ведь «последующее по становлению первее по форме и сущности (например, взрослый мужчина первее ребенка, и человек — первее семени, ибо одно уже имеет свою форму, а другое — нет), а также потому, что все становящееся движется к какому-то началу, то есть к какой-то цели (ибо начало вещи — это то, ради чего она есть, а становление — ради цели); между тем цель — это действительность и ради цели приобретается способность» [Там же: 246]. Можно сказать, что действительность первичнее возможности именно потому, что она есть сущность, сущность возможного.

Аристотель подчеркивает, что дело — цель всякой деятельности как некоторого осуществления цели, так что деятельность (энергейя) направлена на осуществленность (энтелехия). Энтелехия же вещи — это ее сущность и форма, действительность: «...очевидно, что сущность и форма — это действительность» [Там же: 247]. В конечном счете все тезисы о первенстве действительного подкрепляются тем наиважнейшим положением, что вечное никогда не может быть возможным в том смысле, что возможность подразумевает возможность несуществования, тогда как вечное — это всегда актуальное. Таким образом, ребенок представляется воплощением возможного, он всегда оказывается возможностью взрослого, который первичнее его во всех отношениях.

Педагогика и психология, не обращаясь к Аристотелю напрямую, до сих пор широко используют аристотелевскую концепцию детства. Отсюда следует, что основополагающий социально-правовой порядок признания ребенка в статусе несовершеннолетнего состоит в обязательстве создавать поддерживающую среду, в которой дети должны развиваться, превращаясь в взрослых. Это традиция

защиты детства, в которой дети мыслятся как «неспособные», не обладающие необходимыми биологическими и психологическими возможностями для выполнения взрослых функций. Несмотря на модификации этой концепции под влиянием психоанализа и теории Пиаже, аристотелевская нормативная концепция остается самой влиятельной парадигмой детства последние столетия.

Г. Мэтьюз [Matthews 2009] утверждает, что нормативная теория развития поддерживает «концепцию дефицита» детства, согласно которой природа ребенка понимается в первую очередь как конфигурация недостающих способностей. Эта концепция, утверждает он, игнорирует или недооценивает тот факт, что дети, например, способны быстро выучить второй язык или нарисовать эстетически привлекательную картину, или поставить интересный с философской точки зрения вопрос. Какими бы качественно другими ни были способности ребенка, из-за того, что они сопоставляются с возможностями взрослых, ребенок всегда считается недееспособным.

Ребенок как радикальная возможность

Таким образом, детство в социальных науках и педагогике мыслится как возможность, потенциальность, перетекающая в действительность, т. е., проще говоря, возможность стать взрослым. Я хочу здесь поставить вопрос: как в случае ребенка можно мыслить возможность неаристотелевским образом? Мыслить его не как потенцию взрослого, возможность действительного, а возможность себя, свернутую самопотенцию, действительность возможного? Именно в этом ключе трактует способности субъекта Кант, когда вводит представление о самости как деятельности, полагающей саму себя. По всей видимости, такая трактовка возможности как способности рождается в результате усиления идеи Лейбница о «духовном автомате» монады как реализованной в настоящем чистой возможности наилучшего из возможных миров. Лейбницу «будет принадлежать радикализация такого понимания субъективности как деятельности» [Рено 2002: 39]. В перспективе действительности возможного ребенок может оказаться не недовзрослым, а наиболее радикальным субъектом действия.

По мысли Канта, субъект является пучком относительно связанных между собой способностей. Высшие цели не единственные цели разума, но полагая их, разум не полагает ничего, кроме самого себя. Итак, существуют интересы разума, но разум в таком контексте — лишь судья собственных интересов. Если говорить о природе представления, оно может быть связано с объектом с точки зрения согласия или соответствия ему, тогда этот случай суть познавательный

ная способность. Представление может вступать с объектом в причинную связь: тогда это способность желания («способность быть посредством своих представлений причиной действительности предметов этих представлений» [Кант 1966: 175]). Представление также привязано к субъекту, повышая или ослабляя его жизненные силы. В качестве способности выступает в этом случае чувство удовольствия и неудовольствия.

Если речь идет о знании, Канта интересует вопрос: может ли способность достичь своей высшей формы? Высшая познавательная способность у Канта объясняется через мысль о необходимости быть способным выйти за пределы представления, чтобы понять другое представление как связанное с ним. Знание мыслится как синтез представлений. Таким образом, «Критика чистого разума» начинается с вопроса: «Существует ли высшая познавательная способность?», «Критика практического разума» — с вопроса «Существует ли высшая способность желания?», «Критика способности суждения» вопрошает «Существует ли высшая способность удовольствия и неудовольствия?». До сих пор не прекращаются споры о том, как связаны между собой субъективные способности полагающего самого себя субъекта, можно ли говорить об иерархии способностей, но есть все основания полагать, что важнейшей из них является воля.

Кант [1994: 46] в «Критике способностей суждения» пишет: «Дело в том, что воля в качестве способности желания есть одна из ряда природных причин в мире, а именно та, которая действует в соответствии с понятиями; и все то, что представляется возможным (или необходимым) посредством воли, называется практически возможным (или практически необходимым), в отличие от физической возможности или необходимости действия, причина которого определяется к каузальности не посредством понятий (а, как в неодушевленной материи, посредством механизма или, как у животных, посредством инстинкта)». Именно в этом ключе Делез и Агамбен пытались думать о ребенке как о субъекте спонтанной деятельности самополагания, игры, возможности не по отношению к взрослому, будущему состоянию, а о действительной возможности настоящего.

Делез делает девочку Алису любимым концептуальным персонажем «Логики смысла», она позволяет ему указать на становление как форму игры возможностей. «В “Алисе в Стране Чудес” и “Алисе в Зазеркалье” речь идет о категории очень специфических вещей: о событиях, чистых событиях. Когда я говорю: “Алиса увеличивается”, — я полагаю, что она становится больше, чем была. Но также верно, что она становится меньше, чем сейчас. Конечно, она не может быть больше и меньше в одно и то же время. Сейчас она больше,

до того была меньше. Но она становится больше, чем была, и меньше, чем стала, в один и тот же момент. В этом суть одновременности становления, основная черта которого — ускользнуть от настоящего. Именно из-за такого ускользания от настоящего становление не терпит никакого разделения или различения на до и после, на прошлое и будущее. Сущность становления — движение, растягивание в двух смыслах-направлениях сразу: Алиса не растет, не сжимаясь, и наоборот» [Делез 1998: 15]. В становлении как идеальной игре ребенок не просто реализует один из вариантов будущего внутри установившегося поля возможностей, где некие события не-совозможны, но задает линии различения самих этих полей. Алиса дифференцирует мировые линии событий, которые никогда не могут сойтись в одной формуле. Подобным образом дифференциальное уравнение описывает только одну мировую линию схождения множества событий в результате броска кости. Играющий ребенок со всеми коннотациями образа, идущими от Гераклита и Ницше, совершает несущественное движение, которое организует разговор о существенном, не заботясь о том, чтобы он был организован.

На этой же линии критики классической оппозиции возможного/действительного располагается ранняя работа Агамбена [Agamben 1993] «Детство и история. Деструкция опыта». Поддерживая некоторые мотивы экзистенциалистско-гегельянского определения сущности человека через желание, а значит через недостаток по отношению к природе, Агамбен выводит на сценуребенок как возможность бесконечного апробирования новых форм жизни. Ребенок не является недоразвившимся человеком, возможностью взрослого, а устанавливает свои собственные, еще не известные формы жизни. Примером такой формы может служить аксолотль, который достигает зрелости, не претерпевая метаморфоз и не превращаясь во взрослую особь. По сути, Агамбен указывает на парадокс в определении взросления, который является центральной проблемой этого текста. При этом мы расходимся в интерпретации возможности у Канта: если для меня возможность скорее восходит к потенциированию способности, то для Агамбена — к негативности определения опыта.

Таким образом, если мы интерпретируем способность как чистую интенцию, возможность действовать, именно ребенок оказывается максимально дееспособным. Через трудную дилемму понимания возможности как категории будущего или прошлого вынуждены проходить современные философские и политические концепции справедливости, когда предлагают свои трактовки возможности выбора. Где укореняется эта возможность, внутри или вовне субъекта? Обусловлена ли дееспособность, способность действовать возможностью действительного или действительностью возможного? За этой игрой слов стоят две влиятельные онтологические программы.

Выявленные нами онтологические различия в интерпретации способности действовать могут объяснить некоторые странности сложившихся правовых практик. Дело в том, что сегодня сосуществуют две противоречивые правовые традиции в отношении детей, которые зафиксированы в Конвенции о правах ребенка: традиция защиты и традиция самоопределения. Первая напрямую увязывается с трактовкой детства как возможности будущего по Аристотелю, вторая соотносится с возможностью настоящего, идеей самополагающего субъекта, наделенного полнотой способностей по Канту. В Конвенции о правах ребенка дети, с одной стороны, мыслятся как недееспособные, с другой — им предоставляются универсальные права. Текст конвенции не содержит никакого решения этого противоречия, складывается впечатление, что оно просто игнорируется. Столкновение двух противоречащих друг другу понимания способности и возможности позволяет также объяснить, почему идеология «освобождения» детей, которую провозглашают представители «новой социологии детства» и childhood studies, не находит широкой поддержки. Об этом современном противостоянии критических и нормативных медицинских и педагогических практик мне уже доводилось писать [Дуденкова 2014].

Совершеннолетие в контексте разных порядков признания

Если мы вслед за «теоретиками признания» попытаемся разметить порядки признания в качестве «систем организации социального опыта» [Ferry 1991: 9], то можно усмотреть стертое в правовом поле различие: дети социально институциализированы не только как юные (puer), но и как дочери и сыновья (filius). Кроме правового порядка признания детей, с которого мы начинали обзор проблемы определения совершеннолетия, существует и другой порядок признания — назовем его свойским, семейным. Первичная социальная связь возникает не с абстрактным нормативным взрослым, педагогом или психологом, социальным работником, защищающим права детей, а со значимым взрослым, конкретным родителем; именно этот порядок признания является базовым. Не всегда интеллектуалы обращают внимание на это различие (хотя библиографические списки по проблеме определения детства сегодня включают десятки наименований), и очень немногие рассматривают его в своих работах целенаправленно.

Арендт в числе редких интеллектуалов, отмечающих особую роль порядка признания детей родителями. Она полагает, что освобождение детей, наделение их правами взрослых приводит к потере детьми связи с прошлым и их неуверенности в будущем. «Когда

детей эмансипировали от авторитета взрослых, их не освободили, а подчинили еще более страшному и тираническому авторитету — тирании большинства. Так или иначе, дети оказались изгнаны из мира взрослых... Ребенка надо защищать от мира, его исконное место — это семья, которая каждый день возвращается из публичного пространства к своей частной жизни, под охрану четырех стен. Они очерчивают пространство сокрытости, без которого ничего живое не может созреть. Это касается не только детской, но и вообще всякой человеческой жизни» [Арендт 2014: 277].

Левинас, один из самых сильных этико-ориентированных исследователей инаковости и критиков концепции субъективности, продумывает это смещение различия детства и зрелости в концепции плодовитости. Ребенок всегда остается для отца или матери ребенком, каким бы взрослым он ни был. Отношения с сыном или дочерью мыслится Левинасом как трансценденция транс-субстанциональности (в ребенке я вижу себя и одновременно являюсь другим). «Отцовство — различие в тождестве, структура, не предусмотренная формальной логикой. Отношение с ребенком — отношение с Другим, не власть, а плодовитость связывает нас с абсолютным будущим» [Левинас 1999: 127].

Может ли этот порядок признания транспонироваться в порядок правовой? Вероятно, нет. Хотелось бы присоединиться к французской исследовательнице Ирен Тери, которая в своих текстах о новых правах детей, опираясь на интеллектуальную традицию коммунитаризма, указывает, что проникновение права в ткань родственных отношений, не только разрушает чувство солидарности сообщества, но и приводит к инфляции самого права [Thery 1998]. В этом контексте предпочтительной метафорой является монетарность: в результате экспансии права в область родственного порядка признания обесценивается сама валюта прав. Например, Паоло Проди пишет о кризисе и даже самоубийстве права в момент его наивысшего триумфа: «в тот момент, когда позитивное право начинает полностью регулировать социальную жизнь, проникает во все аспекты жизни человека, которые до сих пор основывались на разноплановых нормах, общество костенеет и начинает саморазрушаться, потому что лишается возможности дышать, необходимой для его выживания». [Проди 2017: 10]. Расширение списка прав для детей является одним из аспектов «инфляции права», провоцирует скепсис по отношению к праву как порядку признания.

Чтобы раскрыть тему наиболее полно, мне хотелось бы сослаться на современную русскую литературу, работающую с темой детства и зрелости. Что может значить совершеннолетие с точки зрения родственного, свойского порядка признания? Этот сложный вопрос, равно как и различие между «нормативным», «педагогическим»

и «свойским», «родительским» порядком признания, поможет нам прояснить эзотерическая интерпретация романа Владимира Шарова «Будьте как дети».

Сюжетные линии романа завязаны на понимании детей как нового избранного народа, единственного революционного социального класса, радикального субъекта социальных изменений. Шаров [2009: 156] придумывает письмо Ленина Троцкому в мае 1922 года: «Миллионы сирот, бездомных, оставшиеся после мировой и Гражданской войн, после голода, тифа, после испанки и холеры, — есть истинный пролетариат. Он последний и самый пролетарский из пролетариатов, самый обиженный и беззащитный, но именно в нем спасение человека. Прежде, пытаясь себя оправдать, родители, поколение за поколением, силой принуждали детей идти дорогой греха, якобы иного не дано — эти же свободны и выберут добро. Наша всемирная революция — революция детей».

Автор неявно полемизирует с А. Макаренко, когда придумывает историю детской коммуны: по сюжету книги, в Таганроге создан большой интернат для беспризорников, начальство составляли бывшие гимназические кадры и отставные чекисты. Кроме сирот почти треть коммуны — дети местных коммунистов. «Поскольку партия смотрит на семью как на пережиток, тем, кто не заражен ее влиянием, открыта широкая дорога. В общем, коммуна — заведение привилегированное, сдать туда детей желающих немало» [Там же: 134]. 19 мая 1923 года в кузнице партийных кадров начинается волнение, группа старших воспитанников вооружается. Чекисты отказываются подавлять восстание: стрелять в своих детей никто не хочет.

Таким образом, ребенок становится автономным милитаризированным субъектом в той мере, в какой он освобожден от семейного порядка признания; взрослый продолжает быть им связанным и несет ответственность за ребенка. Заострим утверждение: ребенок как автономный агент действия, изъятый из «свойского» порядка признания и обладающий полнотой способностей в кантианском смысле, оказывается максимально потенциированным радикальным субъектом действия, быть может, тем самым сувереном политической философии. Этот наиболее революционный социальный класс является также и самым удобным инструментом биополитики, потому что его дееспособность обусловлена «голым» фактом рождения. Так арендтовская натальность трансформирует ребенка из безобидного аксолотля в автономный политический субъект.

В современных правовых определениях недееспособности несовершеннолетних сталкиваются два взаимоисключающих представления о возможности и способности, имеющих свои истоки в философии Канта и Аристотеля. Концептуальный конфликт обусловливает противоречивость определения ребенка как субъекта

права. Для аристотелевской парадигмы мышления о детстве ребенок является «всего лишь» возможностью взрослого, поскольку способность мыслится как возможность будущего. В той мере в какой кантианская антропология мыслит возможность как полноту самореализации субъекта в настоящем, в пределе — полную автономию, ребенок оказывается радикальным субъектом действия, обладающим не просто всей полнотой прав, но сам устанавливающий право.

Снять это напряжение и противоречие в какой-то мере позволяет калибровка порядков признания, но родственный порядок признания принципиально не нуждается в правовой регуляции. Эти промежуточные выводы объясняют многие парадоксы правового статуса ребенка, хотя вряд ли могут помочь определить законный возраст употребления алкоголя.

Библиография / References

Агамбен Дж. (2011) *Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь,* М.: Европа.

— Agamben J. (2011) *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life,*M.: Evropa. — in Russ.

Арендт Х. (2014) Кризис в воспитании. *Между прошлым и будущим,* М.: Институт Гайдара.

— Arendt H. (2014) *Beetween Past and Future,* M.: Institut Gajdara. — in Russ.

Аристотель (1976) *Сочинения.* т.1, М.: Наука.

— Aristotle (1976) *Works,* t.1, M.: Nauka. — in Russ.

Арьес Ф. (1999) *Ребенок и семейная жизнь при старом режиме,* Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.

— Aries P. (1999) *Centuries of Childhood: A Social History of Family Life*, Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo uniersiteta. — in Russ.

Делез Ж. (1998) *Логика смысла,* М.: Раритет.

— Deleuze G. (1998) *The Logic of Sense*, M.: Raritet. — in Russ.

Дуденкова И.В. (2014) Детский вопрос в социологии: между нормативностью и автономией. *Социология власти*, 3: 47-58.

— Dudenkova I.V. (2014) Children's question in sociology: between normative and autonomy. *Sociology of Power*, 3: 47-58. — in Russ.

Дуденкова И.В. (2015) Начинание, рождение, действие. Августин и политическая мысль Ханны Арендт. *Социологическое обозрение*, 14 (1): 105-119.

— Dudenkova I.V. (2015) Beginning, birth, action. Augustine and Hannah Arendt's Political Thought. *Russian Sociological Review*, 14 (1): 105-119. — in Russ.

Кант И. (1994) *Критика способности суждения.* М., Искусство.

— Kant I. (1994) *Critique of judgment*. M., Art. — in Russ.

Кант И. (1966) Критика практического разума. *Собрание сочинений в 6-ти томах*. Т.4. М.: Наука.

— Kant I. (1966) Critique of Practical Reason. *Collected Works in 6 Volumes*. T.4. M .: Science. — in Russ.

Левинас Э. (2000) *Тотальность и бесконечное*. СПб.: Университетская книга.

— Levinas E. (2000) *Totality and Infinite*. SPb .: University book. — in Russ.

Михайлова Я.Я., Сивак Е.В. (2018) Научное родительство? Что волнует родителей и какими источниками информации они пользуются. *Вопросы образования*, 2: 25-39.

— Mikhajlova YA.YA., Sivak E.V. (2018) Scientific parenting? What worries parents and what sources of information they use. *Education issues*, 2: 25-39. — in Russ.

Рено А. (2002) *Эра индивида. К истории субъективности,* СПб.: Владимир Даль.

— Renaut A. (2002) *L'Individu: remarques sur la philosophie du sujet*, SPb.: Vladimir Dal'. — in Russ.

Рикер П. (2010) *Путь признания: три очерка,* М.: РОССПЭН.

— Ricœur P. (2010) *The Course of Recognition*, M.: ROSSPEHN. — in Russ.

Рикер П. (2005) *Субъект права.* Рикер П. *Справедливое*, М.: Гнозис-Логос.

— Ricœur P. (2005) Subject of law. *Riker P. The Just*, M.: Gnozis-Logos. — in Russ.

Фуко М. (2011) *Управление собой и другими.* Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1982-1983 учебном году, СПб.: Наука.

— Foucault M. (2011) *Le Gouvernement de Soi et des Autre*, SPb.: Nauka. — in Russ.

Хабермас Ю. (2002) *Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике?* М.: Весь мир.

— Habermas U. (2002) *The Future of Human Nature,* M.: Ves' mir. — in Russ.

Шаров В. (2008) *Будьте как дети,* М.: Вагриус.

— Sharov V. (2008) Be like a children, M.: Vagrius. — in Russ.

Agamben J. (1993) *Infancy and History: The Destruction of Experience,* London; New York: Verso.

Archard D. (2015) *Children: Rights and Childhood,* London: Routledge.

Archard D., Macleod C. (2002) *The Moral and Political Status of Children: New Essays*, Oxford: Oxford University Press.

Arendt H. (1958) *The Human Condition,* Chicago: University of Chicago Press.

Barnes C., Mercer G. (2010) *Exploring disability* [2nd edition]. Cambridge, Polity Press.

Boltansky L. (1990) *Amour et la Justice comme competences*. Paris, Metaille.

Davis L.J., ed. (1997) *The Disability Studies Reader.* Routledge.

Derrida J. (2009) *The Beast and the Sovereign.* Vol. I, Chicago: University of Chicago Press.

Derrida J. (2012) *The Beast and the Sovereign.* Vol. II, Chicago: University of Chicago Press.

Eekelaar J. (1986) The Emergence of Children's Rights. *Oxford Journal of Legal Studies*, 6: 161–182.

Ferry J-M. (1991) *Les Puissances de l'expérience.* Paris: Cerf.

Fraser, Honneth A. (2003) *Redistribution or Recognition: A Political-Philosophical Exchange*. Cambridge, UK.

Gheaus A., Calder G., Wispeleare J. de, eds. (2019) *Routledge Handbook of the Philosophy of Childhood and Children*, London: Routledge.

Glick E. (2012) Abilities and Know-How Attributions. Brown, Gekken (eds.), *Knowledge Ascriptions*, Oxford: Oxford University Press.

Hannan S. (2018) Why Childhood is Bad for Children? *Journal of Applied Philosophy* 35: 11–28.

Hays S. (1998) *The Cultural Contradictions of Motherhood,* New Haven: Yale University.

Honneth A. (1995) *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts*. Cambridge, UK.

Lareau A. (2011) *Unequal ChildhoodsClass, Race, and Family Life, With an Update a Decade Later,* University California Press.

Matthews G. (2009) *Philosophy and Developmental Psychology: Outgrowing the Deficit Conception of Childhood,* Siegel: 162–176.

Nelkin D. (2011) *Making Sense of Freedom and Responsibility*, Oxford: Oxford University Press.

Stanley J. (2011) *Know How*, Oxford: Oxford University Press.

Thery I. (1998) *Couple, filiation et parente aujuord hui/ Le droit face aux mutation et de la vie privee,* Paris, Odile Jacob.

Winnicott D.W. (1964) *The Child, the Family, and the Outside World*. Harmondsworth.

Withers A. (2012) *Disability Poilitics & Theory*, Halifax, Fernwood.

Рекомендация для цитирования

Дуденкова И.В. (2019) Что значит быть несовершеннолетним? *Социология власти*, 31 (1): 30-50.

For citations:

Dudenkova I.V. (2019) What Does it Mean to Be a Minor? *Sociology of Power*, 31 (1): 30-50.

Поступила в редакцию: 26.01.2019; принята в печать: 07.02.2019

Received: 26.01.2019; Accepted for publication: 07.02.2019